

Евгений Фелин

Помни. Это нужно ИМ...

В дождь, когда, что слышишь и слышишь
словами слеза, потом палатки
и не слышишь, не слышишь
ташлык и слышишь, и слышишь
кисе ботики слышишь, слышишь
кисе слышишь слышишь слышишь
визит слышишь слышишь слышишь
визит слышишь слышишь слышишь
горизонт слышишь слышишь слышишь
справа слышишь слышишь слышишь
справа слышишь слышишь слышишь
справа слышишь слышишь слышишь
справа слышишь слышишь слышишь

Евгений Федин

Помни. Это нужно им...

<https://litres.ru/74495202>

SelfPub; 2026

Аннотация

О тех, кто оставил след в моей памяти. Благодаря кому я сегодня такой, какой есть. Кто живет в моих поступках, в моих взглядах на этот мир.

Евгений Федин

Помни. Это нужно им...

Помни! Это нужно им...

Этот день выдался необычным. Бог послал мне, спящему, новый сюжет. Для этого ему потребовалось прервать мой сон и вставить в него эту историю. А как все было красиво там, во сне. Мы с Борькой играли в футбол. Обыкновенный дыр-дыр в пионерском лагере Туполевского КБ. Для пионеров мы - местные, то есть деревенские, для молоденьких пионервожатых - студенток педучилища, ребята-старшеклассники с соседних дач. И зачем надо было прерывать этот сон, такие светлые воспоминания. В чем смысл этого Божьего поступка?

Я снова засыпаю, и теперь мне снится большая широкая лестница. За дверью гудит большой зал. По лестнице поднимаются строгий пожилой мужчина и девочка. Это очень красивая девочка. Она держит большой, непропорциональный ее хрупкой фигурке чемодан. Я боюсь, что они уйдут, скроются за дверью, но они возвращаются. И я спрашиваю девочку: - Кто этот взрослый, строгий человек?

- Это Бог, - отвечает она, - он подарил тебе меня, и теперь я всегда буду рядом с тобой. И этот чемодан твой.

Я еще не могу проснуться, но понимаю, что в чемодане. В нем лежат истории. Это истории моей жизни и тех, кто был

рядом со мной. Я знаю, что должен рассказать о них, иначе они уйдут навсегда. Я слышу свой голос. Я слышу, что прошу у них прощения. Я вторгаюсь в их покой ...

БОРЬКА

Он старше меня на год, его мама учительница начальных классов. Про отца никогда не говорили. У него дед, который всегда держит при себе мухобойку, и бабушка, которая пьет чай только вприкуску. Вечно открытая сахарница на столе приманивает мух, и они становятся легкой добычей для дедовской мухобойки. Честно говоря, расплющенные таким образом мухи всегда вызывали у меня чувство брезгливости, и я вежливо отказывался садиться за стол. Наверное, я этим обижал Борькиных стариков и маму, но тогда в моей голове не было места для мыслей о социальном неравенстве семьи врача и семьи простой больничной нянечки, в качестве которой Борькина бабушка доработала до заслуженной пенсии. Кем был Борькин дед, я не знал никогда, но поскольку он лихо подшивал валенки и практически не вставал со стула, очень напоминал сапожника. Да и какие могли быть социальные ступени, когда все мы росли в одном дворе районной больницы, и в нашей возрастной группе Борька был очевидным лидером. Он хорошо пел и не стеснялся делать это при девчонках, и еще он начинал все считалки.

Правда, отдельная тема - это футбол. Мы оба были его фанатами, и здесь пролегало наше соперничество. Мы росли и

менялись. Туполевский пионерский лагерь интересовал все меньше и меньше. Уже привлекал туполевский санаторий, входящий в оздоровительный комплекс, ну а воспитательницы детского сада, это уже почти сбывшаяся мечта. У меня она реализовалась, кажется в классе девятом. Если углубляться, то вполне самостоятельный сюжет.

Почему беда любит дома, где и без нее хватает разного лиха, я не знаю и сейчас. Она как будто хочет додавить до конца тех, кто слабее и беззащитнее. Это так несправедливо. Особенно остро чувствуешь, это когда большая часть жизни людей, которых она начинает давить своим прессом, проходит на твоих глазах. Пожалуй, только мухи могли обижаться на Борькину семью. А вышло так, что единственная в ней мужская опора еще одним грузом навалилась на плечи учительницы младших классов. На всю жизнь встали перед моими глазами маленькие картонные коробочки, которые, ссутулившись за столом, склеивал мой друг Борька - облысевший к тридцати забивной форвард Чеховского мебельного комбината, инвалид второй группы, с правом заниматься надомным трудом.

Не очень легко смотреть в глаза человеку, которому ты не в силах помочь, а он, уставший от сочувствия, связывает с тобой, спецкором городской газеты, крохотную надежду найти правду там, где перемалывают и не такие истории. Какими тяжелыми были для меня случайные встречи с Бориной мамой. Расплющенной мухой лежала на столе Борь-

кина жизнь, жизнь матроса подводной лодки не сумевшего увернуться от тяжелой мухобойки военной машины. Не обременил себя виной этот железный молох ни за слетевшую с Борькиной головы светлую шевелюру, ни за его ноги, сперва опухшие в коленях, а затем превратившие его в сидячего инвалида.

Ходит, ходит среди домов горе, заглядывает за низкие занавески. Чем приглянулось ему Борькино окно? Не знаю. Когда выплывает вдруг из детства наш двор, когда нас, набегавшихся за майскими жуками, позовут домой голоса наших мам, за дешевенькими его шторами видится мне низко всящая над столом в розовом абажуре неяркая лампочка, Борькины дед и бабушка, затертые до блеска от «дурака» карты и его мама, вечно проверяющая тетради. И я не знаю, почему ангелы оставили этот дом?

ОТЕЦ

Первый раз я видел, как умирает человек и, этим человеком был мой отец. Минуту назад он тихо шевелил губами, онемевшее наполовину лицо заставляло картавить, и поэтому слова он произносил раздельно и очень медленно. Я сидел, низко склонившись, пытаясь избавить его от необходимости напрягать голос. Внезапно отец словно поперхнулся, резко наклонился вперед, а затем откинулся навзничь, вытянулся и захрипел.

Страх и беспомощность погнали меня на пост дежурной сестры. Минуты бесконечности в ожидании бригады реани-

маторов, аппараты искусственного дыхания и массаж сердца. Меня даже не попросили выйти из палаты, и я застыл в углу.

Жизнь покидала моего отца, все бессмысленнее становились усилия медиков, которые делали, может быть, даже больше, чем уже требовалось, отдавая тем самым долг своему коллеге. В четыре часа ночи я шел по пустой Пироговке и думал, что и как я скажу дома маме...

- Дальше пойдем пешком, - заявил я, слезая с верхней боковой полки общего вагона поезда «Иркутск-Москва». Позади пять суток нашего путешествия через пол-страны и почти шесть лет ожидания первой встречи с отцом. До Москвы еще два дня пути. В город, где я родился я уже больше не вернусь.

Моя родина - шахтерский городок Черемхово, как калейдоскоп выдает цветную мозаику детских воспоминаний. Вот, на маленьких санках меня везут в шахтерский клуб - до далекой Сибири дошел новый героический фильм «Смелые люди»... Следующая картинка: дощатый тротуар, по которому я бежал всегда впереди бабушки и поэтому все время оборачивался. Это мы направляемся на воскресную службу в церковь, настоятель которой мой крестный... Разноцветные стеклышки калейдоскопа рисуют в памяти Новый год. Елка, украшенная игрушками и конфетами, белые из ваты, но почему-то очень жесткие лебеди. Они плавают на озере - старом зеркале, обложенном со всех сторон сугробами ваты. (О вате чуть позже и отдельно.) Под елкой мы с двоюродным

братом Колей находим наволочку и в ней много-много конфет. Это настоящий праздник - подарок профкома шахты, где библиотекарем работает моя мама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.